

Интересный науцпоп

Juan Jose Millas
Juan Luis Arsuaga

LA VIDA CONTADA
POR UN SAPIENS A
UN NEANDERTAL

Мильяс Хуан
Арсуага Хуан

ЭВОЛЮЦИЯ
ОТ НЕАНДЕРТАЛЬЦА
К HOMO SAPIENS

Издательство АСТ
Москва

УДК 572.1/.4
ББК 28.71
М60

Published in agreement with Casanovas & Lynch Literary Agency
and MB Agencia Literaria S.L.

Мильяс, Хуан.

М60 Эволюция: от неандертальца к Homo sapiens / Мильяс Хуан, Арсуага Хуан ; [перевод с испанского О.В. Колосовой]. — Москва : Издательство АСТ, 2025. — 224 с.

ISBN 978-5-17-173052-9

Хуан Хосе Мильяс — испанский писатель и журналист, известный своим ироничным и философским стилем. Его работы, переведенные на многие языки, отмечены престижными литературными премиями. Он также является постоянным автором газеты «El País», где его статьи отличаются острым взглядом на современность.

Хуан Луис Арсуага — испанский палеонтолог и профессор, соруководитель раскопок на стоянке Атапуэрка. Он получил престижные научные награды за свой вклад в изучение эволюции человека.

Перед вами увлекательное путешествие в прошлое и настоящее человечества, представленное в форме диалога между современным человеком (сапиенсом) и неандертальцем.

В книге искусно переплетаются научные факты и философские размышления, раскрывая перед читателем сложную и многогранную картину человеческого существования. Авторы не просто описывают этапы эволюции, различия между неандертальцами и сапиенсами, но и глубоко исследуют вопросы биологии, социальных структур, развитие технологий, искусства и культуры.

Они поднимают философские темы, такие как смысл жизни, страх смерти, свобода выбора и ответственность за будущее человечества. Через призму диалога читатель заново открывает для себя знакомые аспекты повседневной жизни, задаваясь вопросами о том, как мы пришли к тому, кем являемся сегодня.

Работа Мильяса и Арсуаги — это захватывающий рассказ о человеке во всей его сложности и противоречивости, побуждающий к размышлению и поиску ответов на вечные вопросы о природе нашего существования.

В этой книге бьется жизнь — лучшая из историй.

УДК 572.1/.4
ББК 28.71

ISBN 978-5-17-173052-9

© Juan Luis Arsuaga, Juan José Millás, 2020
© ООО «Издательство АСТ», 2025

Глава нулевая

Визит к предкам

Однажды, много лет назад, я оказался в Атапуэрке¹ и по возвращении домой на расспросы о том, где я был, ответил:

— Навещал предков.

Этот опыт навсегда изменил мою жизнь. Я вернулся абсолютно убежденным в том, что между мной и далекими обитателями так хорошо знакомого доисторического поселения существовала необъяснимая физическая и ментальная связь.

Я ощущал ее так же явно, как чувствуешь нарывающую рану.

Разделявшие нас века были мелочью в сравнении с тысячелетиями, которые нас объединяли. Девяносто пять процентов человеческого существования пришлось на период первобытного общества, и мы совсем недавно вступили в короткий временной отрезок, именуемый эпохой Древнего мира. Это означает, что письменность, например, была изобретена вчера, даже если ей пять тысяч лет. Закрой я глаза и протяни руку, я мог бы коснуться рук древних обитателей Атапуэрки, а они могли бы коснуться моих. Они живут во мне сегодня, но уже тогда и я жил в них.

¹ А т а п у э р к а — деревня в Испании, где в горах Сьерра-де-Атапуэрка расположены пещерные стоянки древнего человека.

Это открытие потрясло меня.

Первобытность не только не была делом минувшим, она имела самое непосредственное отношение ко дню сегодняшнему. События того времени волновали меня куда больше, чем события моего столетия, потому что их лучше объясняли. Итак, я обзавелся основными книгами, касающимися этого вопроса, и начал читать. Как обычно, чем больше я узнавал, тем дальше простиралось мое невежество. Я читал и читал, не отрываясь. Во мне проснулась непреодолимая жажда узнать про палеолит, неолит и неандертальцев как можно больше, и я был на грани настоящей одержимости, когда понял, что, учитывая мой возраст и интеллектуальные ограничения, никогда не буду обладать знаниями, достаточными для написания необычной книги, которую замыслил после путешествия в Атапуэрку.

Что это была за книга?

Без понятия. Иногда это был роман, иногда — эссе, иногда — гибрид эссе и романа, а порой — репортаж или длинная поэма.

Я отказался от своей цели, но не от своей одержимости.

Между тем жизнь не стояла на месте. К примеру, я опубликовал роман, и меня пригласили представить его в Музее эволюции человека в Бургосе, посвященном стоянке древнего человека в Атапуэрке (провинция Бургос). Тогда же я познакомился с Хуаном Луисом Арсуагой, палеонтологом, научным руководителем музея и одним из руководителей раскопок на участке, где раньше находилось поселение. Арсуага был настолько любезен, что даже устроил мне экскурсию по учреждению, которое возглавлял. В моей библиотеке, касающейся доисторической эпохи или эволюции человека, были некоторые из его книг, и я проглотил их одну за другой, хотя, признаюсь, и не всегда был способен отдать им должное в полной мере, поскольку палеонтоло-

ги редко ориентируются на читателя при написании книг. Иными словами, мне не всегда было легко позиционировать себя как читателя равным Арсуаге-автору.

Как рассказчик он, напротив, показался мне дерзким, обаятельным, ловким. Я слушал его в буквальном смысле ошеломленный, потому что через каждые две-три фразы он вворачивал какое-нибудь красноречивое словечко. Я желал овладеть этим стилем, который в некотором смысле и был моим. Кроме того, я заметил, что о доисторической эпохе он говорит в контексте настоящего и ровно также на день сегодняшний ссылается через первобытные времена. В конечном счете он невольно стирал в отношении двух периодов все ограничения и рамки, живущие в наших головах благодаря традиционному образованию, и укреплял во мне ощущение близости к праотцам. Слушая его, я понял, что между этими мирами существует некий континуум, в котором я эмоционально застрял, но который не мог себе объяснить с рациональной точки зрения.

Минул год, а я продолжал читать и читать, пока, как мне кажется, не удалось разглядеть трещины в тонком зеркале, отделявшем меня от далеких предков.

Зеркале, которое отделяло меня от самого себя.

Я опубликовал еще один роман и снова получил приглашение представить его в Музее эволюции человека. Недолго думая, я попросил своих издателей организовать для меня, если возможно, встречу с Арсуагой.

Мы вместе пообедали.

Когда подали второе, набравшись мужества после трех-четырех бокалов Риберы-дель-Дуэро, я решил перейти непосредственно к делу.

— Послушай, Арсуага, ты выдающийся рассказчик. Для невежд вроде меня ты лучше объясняешь, когда говоришь, чем когда пишешь.

— Это все благодаря преподаванию, — заявил он, — приходится придумывать кучу всяких штук, чтобы ученики не засыпали на занятиях.

— Почему бы... — продолжил я, — нам не объединить усилия, ведь мы могли бы вести совместные рассуждения о жизни.

— То есть как это — объединить усилия? — спросил он.

— А вот как... Ты приводишь меня куда-нибудь — куда пожелаешь: на место археологических раскопок, в поле, в роддом, в морг, на выставку канареек...

— И?

— И рассказываешь мне о том, что мы видим, объясняешь мне это. Я делаю твое повествование своим: все обдумываю, отбираю необходимые материалы, облакаю в словесную форму и записываю. Думаю, у нас бы вышла превосходная повесть о бытии.

Арсуага налил себе бокал вина, несколько мгновений молчал, после чего мы продолжили есть и говорить о жизни: о наших проектах, о наших симпатиях и антипатиях, о наших разочарованиях... Мне показалось, что мое предложение его не заинтересовало и он притворился, будто ничего не слышал.

«Что ж, буду пробовать сам», — смирился я.

Но когда принесли кофе, он пристально посмотрел на меня, загадочно улыбнулся и, хлопнув ладонью по столу, сказал:

— Мы это сделаем.

И мы сделали.

Глава первая

Цветение ракитника

Это асфоделус, растение Елисейских полей. Если однажды вы проснетесь среди асфоделуса, значит, вы мертвы.

Я смотрю на белые лепестки травянистого растения, которые раскрываются перед глазами словно галлюцинация, и спрашиваю себя, учитывая обилие цветов, не умерли ли мы, я и сеньор, с которым я только что разговаривал. Сеньор этот — Хуан Луис Арсуага, палеонтолог. Я — Хуан Хосе Мильяс, объект палеонтологических изысканий.

Мысль о том, что я умер, побуждает меня следовать за ученым, который в этот самый момент углубляется в низкие заросли, скрывающие под своим покровом неровности почвы, так что устоять на ногах оказывается задачей не из легких. Мы поднимаемся к вершине небольшой V-образной впадины, по дну которой протекает ручей. Арсуага проворно шагает по тропинке, едва заметной среди цветов. Я стараюсь идти за ним след в след, но порой спотыкаюсь, падаю и встаю, не произнося ни звука, опасаясь, как бы он не обернулся и не застиг меня в унижительном положении.

Наконец он достигает вершины, где останавливается и ждет, пока я его догоню, чтобы показать мне гранитный скальный массив, напоминающий театральную сцену, где занавесом служит прозрачный водопад. Глаз видит, ухо

слышит, носовая полость увлажняется, кожа реагирует с благодарностью на мелкие брызги, летящие от водопада и освежающие нас. Все чувства обострены, все пять из них — и даже больше, будь они у нас, — работают.

Зачем мы здесь? Прежде всего, чтобы увидеть водопад, а может быть, и затем, чтобы водопад увидел нас. На мгновение, в лучах упоительного пятичасового солнца четырнадцатого июня, я понимаю, что за всю свою жизнь еще ни разу не ощущал единения с природой. Я замечаю, как атрофировавшиеся за ненужностью чувства, ответственные за восприятие глубинных колебаний этой самой природы, пробуждаются, чтобы подарить мне несколько секунд, может быть, десятые доли секунды, всеобъемлющего согласия с собой и окружающим миром.

«Здравствуй, водопад», — говорю я, не размыкая губ. «Добро пожаловать, Хуанхо», — отвечает он мне телепатически.

Быть может, я все-таки умер?

Правда, похожего сочетания раздражителей я не помню: благоухание многочисленных растений, разнообразие красок, прохлада водяной завесы, ощущение новизны при вдыхании чистого воздуха, жужжание насекомых... Мне вспоминается — ничего не поделать — реклама духов. Каждый, даже в загробном мире, становится жертвой собственных идеалов. Но на этот раз я не на диване перед телевизором, а внутри рекламы, как будто мне ввели какой-то наркотик. Мы находимся в глубине храма без стен.

— А что есть природа, если не храм? — полагаю, сказал бы Арсуага, если бы раскрыл рот.

Мы приехали, чтобы отдать дань уважения водопаду, но прежде всего, чтобы стать свидетелями цветения раkitника — невысокого растения, на стеблях которого в это время года распускаются цветы разных оттенков желтого,

придающие пейзажу необычную яркость, как на картинах Ротко¹.

На мгновение жизнь лишилась своей зловещей, угрожающей стороны. В этот миг она стала чистым движением, и я был частью этого движения: движения жизни. Так, мои видения были то желтыми, как ракитник, то белыми, как асфоделус, порой фиолетовыми, как лаванда, а иногда зелеными, как трава или колосья, усеивающие пейзаж. И каждый цвет предлагал бесконечное разнообразие переливов, через которые мой разум двигался с медлительностью тени, ползущей по ретаме.

Цветение ракитника.

Через месяц, а может быть, и раньше, когда солнце уже начнет пригревать, эти желтые тона исчезнут с тем величием, с каким умирает все малое.

— Ничто не сравнится с побегом из колледжа, — сказал тогда Арсуага.

Так и было. Мы сбежали из колледжа, потому что в это время, тогда, 14 июня, он должен был находиться в Комплутенсе и, полагаю, проверять экзаменационные работы, а я — у себя дома, пытаюсь написать первые строки романа, герои которого преследовали меня уже несколько месяцев. Вместо этого мы оказались на перевале Сомосьерра, в девяноста пяти километрах от Мадрида, на высоте порядка полутора тысяч метров, и наслаждались неожиданным отдыхом.

— Здесь около двухсот пятидесяти миллионов лет назад находилась горная цепь высотой с Гималаи, но со временем она была разрушена. То, что мы видим сейчас, — это ее корни, — показывает мне палеонтолог, когда мы от-

¹ Марк Ротко — американский художник, ведущий представитель абстрактного экспрессионизма, один из создателей живописи цветового поля (здесь и далее примечания переводчика).

правляемся в обратный путь. — Этот совсем недавно возникший ландшафт — результат отказа от животноводства. Пастбища из-за кустарника оскудевают. В Испании, — добавляет он, не переводя дыхания, — можно выделить два больших периода: первый начинается в эпоху неолита и длится до 1958 года, когда технократами из «Опус Деи»¹ были разработаны планы развития. Деревня до того времени была людным местом, полным голосов, жизнь там была веселой, везде бегали детишки. Она напоминала шумную улицу. К 1970 году сельская местность опустела, никого не осталось. Сегодня в европейских странах сельское население составляет не более пяти процентов.

— Точно, — кивнул я в знак согласия, стараясь не споткнуться.

— Кстати, я забыл сказать тебе, что ты должен прочитать книгу *«Почему я съел своего отца»*.

— Хорошо, о чем она? — спросил я, будто название не говорило само за себя.

— А ты прочти. Ее написал Рой Льюис². Взгляни на эти дубы. Недалеко отсюда еще есть березовая роща.

¹ Организация внутри католической церкви, цель которой помогать верующим обрести святость в повседневной жизни, занимаясь обычными земными делами, в частности профессиональной деятельностью.

² Рой Льюис — английский автор и журналист, много лет работал в *The Times* и *The Economist*. Автор книги *«The Evolution Man»* (1963).

Глава вторая

Здесь все неандертальское

Новая встреча с Арсуагой состоялась спустя пару недель. Между тем я периодически возвращался мыслями к идее смерти, но скрывал это от семьи и своего окружения. Я притворялся живым, вел обычный образ жизни и продолжал посылать статьи в газеты; многие из них были написаны будто из потустороннего мира, хотя никто из читателей никогда не говорил мне об этом. Могу добавить, что в те дни существование мое приобрело иной смысл, ранее отсутствовавший.

Время близилось к полудню, когда палеонтолог встретил меня у дверей дома, и теперь мы направлялись на его «Ниссане» в сторону Сьерра-Норте, находящегося в провинции Мадрид.

— Я собираюсь сделать тебе сюрприз, — сказал он.

Машину вел Арсуага, чтобы я мог делать записи в маленьком красном блокноте, купленном много лет назад в книжном магазине в Буэнос-Айресе; я хранил его в надежде написать блестящее стихотворение, которому не суждено было появиться на свет, так что сейчас я уже оставил всякие попытки.

Некоторое время мы ехали в тишине, слушая по радио программу, где обсуждали очередную знаменитость.

— Мы — те еще сплетники, — заметил Арсуага. — Сплетни часто ассоциируются со слухами и потому считаются чем-то недостойным, хотя это разные вещи. Слухи служат для контроля над властными структурами. Когда лидер делает нечто, противоречащее общепринятому мнению, он становится жертвой сплетен. Как ты думаешь, чем закончилась эволюция иерархических систем, основанных на силе?

— Понятия не имею, — ответил я.

— Их уничтожил обычный камень. Мы — единственный вид, метко бросающий предметы. Древние люди развили в себе эту способность, в отличие от тех же шимпанзе. Меткость сыграла важную роль в эволюции человека: она способствовала развитию нервной системы и мускулатуры. Причина, по которой шимпанзе не научились обтесывать камень, носит отнюдь не когнитивный характер: все дело в отсутствии у них необходимого уровня координации.

Палеонтолог повернул голову и посмотрел на меня, словно желая убедиться, что я слежу за ходом его мыслей. Я слегка кивнул в сторону дороги, как бы напоминая, что он находится за рулем. Взглянув на его профиль, я отметил, что это профиль птицы с выдающимся вперед носом. Когда-то давно, кажется, по радио, я слышал его слова о том, что выступающий нос — это характерная черта человеческого лица, поскольку у остальных приматов носы плоские. С тех пор я всегда смотрю на этот отросток с некоторой долей подозрения, в том числе и на свой собственный. Если приглядеться, то это любопытное дополнение: незванный гость посреди лица. Нос Арсуаги, как я уже упомянул, придавал ему птичий вид, а зубы, слегка неровные, лишь усиливали это впечатление. Дополняли образ волосы, белые и взъерошенные, — как хохолки у некоторых тропических птиц.

Палеонтолог вздохнул и ностальгически улыбнулся:

— Историки недооценивают важность такого навыка, как метание. Камень, брошенный в голову гиены, способен ее убить. Собаки убегают, когда мы наклоняемся, чтобы подобрать камень, потому что, попади он им в пасть, они лишатся зубов. Метание камней — штука очень серьезная, против этого никакая физическая сила не спасет.

— Как в притче о Давиде и Голиафе, — вспомнилось мне.

— Вот именно, — продолжал он. — Благодаря камню на смену силе пришла политика. Слухи для нас — те же камни, они разрушают репутацию человека и лишают его возможности стать руководителем.

— А сплетни?

— Сплетни — это форма принуждения, не позволяющая выходить за определенные рамки. Это очень угнетает, особенно в небольших сообществах. Смотри, какая ретама. А вот ладанник уже отцвел.

Через долину Лозойя, по которой бежит одноименная река, мы въехали в Сьерра-де-Гвадаррама, что на северо-западе автономного сообщества Мадрид.

— Сьерра-де-Гвадаррама, — сказал палеонтолог, меняя тему разговора, — не самая высокая и не самая красивая гора, но самая значимая с культурной точки зрения. Ее воспевали все поэты и мыслители периода регенерационизма¹. Надо отметить, что регенерационисты не были писателями из кофейен, они были связаны с природой. Они — лучшее, что есть в испанской культуре двадцатого века. После Гражданской войны отношение к сельской местности и спорту сильно испортилось, поэтому интеллектуалы

¹ Регенерационизм — интеллектуальное и политическое движение конца 19-го — начала 20-го века в Испании.